

УДК 82-1

ЛИНГВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРАФРАСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И. П. БОРОЗДНЫ

Шеремет А. С.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Статья посвящена выявлению лингво-стилистических особенностей в парафрастических произведениях поэта первой трети XIX в. Ивана Петровича Бороздны. Материал статьи основан на анализе творческого наследия И. П. Бороздны, в частности, поэтического сборника «Лучи и тени» (1847 г.), ставшего библиографической редкостью и не изученного историками литературы. При помощи анализа лексических единиц и стилистических средств, используемых поэтом, производится попытка выделить его основные идейно-эстетические принципы в создании парафразов текстов Священного писания.

Ключевые слова: И. П. Бороздна, парафраз, псалмодическая поэзия, стилистика, церковная риторическая традиция.

Постановка проблемы. К началу XIX в. переложение текстов Священного Писания прочно вошло в литературную традицию, и к 1820–30-м гг. в русской литературе был создан ряд переложений сакральных текстов, преимущественно псалмов и молитв. Эти переложения, как замечает исследователь Д. Г. Демидов, «могут быть отнесены к упрощённой передаче произведений богослужебных жанров в духовной литературе для церковноучительного или домашнего употребления. Отношения здесь примерно такие, как между строго научными и научно-популярными сочинениями на ту же тему» [3, с. 27]. Т. Г. Мальчукова, осуществляя обзор парафразов псалмов в поэзии этого периода, в качестве их основных авторов выделяет имена Ф. Н. Глинки, А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, Д. И. Хвостова, Н. М. Шатрова и Н. М. Языкова и др. [8, с. 154]. Парафрастическая поэзия нашла отражения и в творчестве малоизвестных поэтов.

Цель статьи – выявление лингво-стилистических особенностей в парафрастических текстах Ивана Петровича Бороздны, поэта первой трети XIX в.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования творчества литераторов «третьего» ряда, вниманием современной науки к поэтике традиционных (в том числе религиозных) сюжетов в художественной литературе и возросшей востребованностью теолингвистики в современном гуманитарном дискурсе.

И. П. Бороздна (1804, с. Медвёдово Черниговской губ. – 1858, там же), творчество которого представлено тремя стихотворными сборниками («Опыты в стихах», «Лири», «Лучи и тени») и поэмой «Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма», в последние годы жизни уделял большое внимание переложению псалмов. По свидетельству автора некролога И. П. Бороздне в «Северной пчеле» (№ 277 за 1858 г.), незадолго до смерти поэт осуществил переложение всей Псалтыри, однако опубликовать результаты своей работы не успел [7, с. 1162]. Однако часть парафразов была издана в его последнем сборнике «Лучи и тени» (1847 г.). Любопытно предисловие поэта к нему: «Возвышенные, священные подлинники моих стихотворных преложений и парафразов, – пишет он, – вот *Лучи*, пред которыми все попытки пе-

редать те подлинники языком светским и опыты, подобные моему, суть только *Тени*» [2, с. 1]. Примечательно, что разделение на «лучи» и «тени» производится уже на уровне структуры сборника: он состоит из двух принципиально различных отделений. Вторая часть содержит типичную и для более раннего творчества И. П. Бороздны любовную и философскую лирику, в первой же представлено 15 стихотворений религиозного содержания, преимущественно – переложений псалмов и молитв.

Сборник открывает «Видение Иезекииля» – переложение ветхозаветного откровения о воскрешении из мёртвых, которое богословами трактуется в узком и широком смысле. В узком его, по словам священника Л. Шихлярова, следует понимать как пророчество о том, что если Израиль выведет «правильный духовный урок из того, что и почему с ним произошло, то Ягвэ, для Которого нет невозможного, восставит его к обновленной жизни, и народ будет возвращен в родную землю» [11]. Основной же, широкий, смысл откровения, по его мнению, заключается в том, что «смерть есть временное состояние, являющееся последствием греха, своего рода испытание, которое завершится всеобщим воскресением во плоти» [11].

Переложение И. П. Бороздны довольно близко к первоисточнику по сюжетно-содержательным характеристикам, однако лексико-стилистическая составляющая парафраза имеет ряд особенностей. Во-первых, следует отметить стремление поэта к сохранению языкового строя сакрального текста и при этом заимствование ряда архаических форм на различных языковых уровнях: фонетическом (*глас, хладный*), морфологическом (*крылы*), морфемном (*возмогут*), лексическом (*десница*). В формальном плане именно архаические языковые формы убедительно сближают текст с церковной риторической традицией.

Второй характерной особенностью «Видения Иезекииля» И. П. Бороздны является введение в текст слов и словосочетаний, типичных для романтической поэзии начала XIX в. При этом исходный текст, как правило, предельно ёмкий и лаконичный, часто дополняется авторскими коннотациями. Так, в исходном тексте сказано, что действие происходит в поле («И Господь вывел меня духом и поставил меня среди поля» [4, с. 830]), при этом поле никакими характеристиками не наделяется. В парафразе же И. П. Бороздны оно представлено печальным «наготой пустынной своей» [2, с. 3]. А, например, к глаголу «ожить» поэт добавляет деепричастный оборот: «ожить, стряхнувши прах могильный» [2, с. 4], который сообщает ситуации дополнительную «действенность», «сценичность».

Те же тенденции можно отметить и в других переложениях И. П. Бороздны. После «Видения Иезекииля» в книге расположены два варианта переложения 136 псалма, так же, как и «Видение», посвящённого теме вавилонского пленения. Первый вариант И. П. Бороздны пишет двустопным амфибрахием, второй – четырёхстопным ямбом. Первый парафраз отличается менее сильной привязкой к тексту оригинала, нежели второй. Например, строку «Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши веселья: пропойте нам из песней Сионских» [9, с. 591] И. П. Бороздны перелагает следующим образом: «“Что ж песен Сионских / Не слышим от вас? / Иль вы их забыли?”, – / Коварно спросили / Пленившие нас» [2, с. 8–9]. Однако вавилоняне не спрашивали израильтян о песнях, они их требова-

ли. Эта отсутствующая в первом переложении И. П. Бороздны деталь появляется во втором варианте: «Там те, кем в чуждые нам страны / Мы были в плен увлечены, / Нас вопрошать о песнях стали; / Те ж, кем мы были ведены, / Нас веселиться принуждали / И молвили с улыбкой злой: / “Что ж вы, под небом Вавилона / Из песен вашего Сиона / Нам не споёте ни одной?”» [2, с. 11–12]. Характерно, что и в первое, и во второе стихотворение поэтом вводятся характеристики действий вавилонян («коварно спросили», «с улыбкой злой»). Смысл этих характеристик соотносится с общепринятой трактовкой псалма. Прот. Г. Разумовский писал, что вавилоняне требовали петь сионские песни, «чтобы посмеяться над евреями» [10]. Израильтяне же отказывались петь, потому что Закон повелевал только в одном месте – Иерусалиме – совершать богослужение и пение [10]. В оригинале ответ вавилонян звучит так: «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» [9, с. 591]. В первом варианте И. П. Бороздны он носит характер восклицания, а не риторического вопроса: «Нет! Песни священной, / Нам Богом внушенной, / Мы петь не дерзнём / На бреге чужом! / О родина! Звуки / Той песни твои – / И смолкли они / В час нашей разлуки!» [2, с. 9]. Второй вариант максимально приближен к оригиналу в плане лексики, стилистики и синтаксиса: «Как петь нам на земле чужой / Господню песнь?» [2, с. 12].

Следующий парафраз в книге И. П. Бороздны – переложение 151-го псалма – о юности пастуха Давида, его помазании на царство и единоборстве с Голиафом. Поэт стремится к точности в передаче основной содержательно-сюжетной линии, однако его в его парафраз проникают художественные детали и тропы, отсутствующие в подлиннике. Так, лаконичное жизнеописание – «Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего; пас овец отца моего» [9, с. 596] – у И. П. Бороздны обрастает рядом частных подробностей: «Быв мал меж братьями своими / И всех в дому отца юнейший, с дней молодых / Я пас овец его на пажитях родных / И привыкал скитаться с ними, / Столь низкой доли не кляня!» [2, с. 14]. Развитие получает и отрывок о богоизбранности будущего царя. Так, в псалме читаем: «Сам Господь, Сам услышал меня» [9, с. 596]. Поэт воспроизводит использованную в псалме стилистическую фигуру – анадиплосис (лексический повтор, представляющий собой повторение последнего слова или группы слов стиха в начале следующего): «Он Сам, Он Сам, к Кому измлада / Я в горе притекал, он слух ко мне склонил» [2, с. 14]. Заметим, что, к примеру, А. П. Сумароков, перелагая 151-ый псалом, также следовал оригинальной тропике. Не случайным видится сохранение данного тропа: использование анадиплосиса характерно для псалмодической поэтики: «Откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа» (псалом 120-ый), «Вот стоят ноги наши во вратах твоих, Иерусалим, – Иерусалим, устроенный как город» (псалом 121-ый), «Поток прошел бы над душою нашею; прошли бы над душою нашею воды бурные» (псалом 123-ий) и т. д.

Как и в другие парафразы, в «Псалом на единоборство Давида с Голиафом» И. П. Бороздна вводит романтические формулировки, возможно, стремясь изобразить Давида в меньшей степени собирательной личностью и наделить его индивидуальными характеристиками, опять-таки, типичными для лирического героя своих романтических стихотворений («с дней молодых», «пас овец на пажитях родных», «низкой доли не кляня» и проч.).

Отметим, что для парафразов псалмов И. П. Бороздны характерно не только сохранение архаических словоформ и их лексическое распространение с помощью характерных для поэтики романтизма тропов, но и полная замена формулировок исходного текста романтическими клише.

При этом неизменным остаётся стремление приблизить содержание к оригиналу. К примеру, эпизод из 6-го псалма – «Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» [9, с. 537] – трансформируется в типичную для романтического стихотворения сцену: «Под гнётом горести своей / Я истомлен стенаньями, о Боже! / Ночь каждую своё я окропляю ложе / Слезами скорби!» [2, с. 22]; фраза «иссохло от печали око мое» [9, с. 537] также приобретает романтическую окраску: «свет очей померк уж у меня» [2, с. 22].

Эта же тенденция отмечается и в переложениях молитв И. П. Бороздны. К примеру, молитва в день Вознесения Господня в парафразе И. П. Бороздны, если опустить заглавие, выглядит как традиционное романтическое произведение. Душа её героя «Изнемогла под гнетом испытанья, / И вся растерзана, и нет ей упованья, / И жизнь бесцветная, как путь в степи глухой, / Печально тянется юдолию земной! / В душе моей темно, а на сердце так холодно, / Что бытие мое мне стало безотраднo!» [2, с. 27]. Сравним эти строки с отрывком из элегии 1845 г.: «Что тропа средь тощей степи, / Дней моих тернистый путь: / Сердце бьётся, ноет грудь, / И, как звенья тяжкой цепи, / Подавила их печаль» [2, с. 73].

При этом, как и в переложениях псалмов, в парафразах молитв Бороздна строго следует сюжетной линии первоисточника.

Пожалуй, единственным парафразом, в котором Бороздна позволяет себе свободно трактовать первоисточник и дополнять сюжет рядом авторских деталей, является парафраз 67-го псалма, который, будучи текстом, весьма сложным для восприятия (и, как следствие, переложения), «крестом для умов и укором для толковников» [5], в поэтических парафразах видоизменялся практически до неузнаваемости (см. парафраз А. П. Сумарокова и Ф. Н. Глинки).

Желая сохранить возвышенный тон псалма, И. П. Бороздна использует словоформы, свойственные церковной риторической традиции («пред Божиим лицом», «судия», «он рек», «узреть», «великая чреда», «глагол вдохновенный» и т. п.). При этом он вводит и романтические клише («слепое заблужденье», «лазуревая твердь», «сиять, как крылья голубицы», «светило дневное» и др.).

Выводы. Основной эстетической доминантой парафрастической поэзии И. П. Бороздны явилась приближенность переложения к исходному тексту в плане сюжетно-содержательной основы. При этом на языковом уровне наблюдаем трансформацию первоисточника. К основным лингво-стилистическим особенностям парафразов И. П. Бороздны можно отнести:

- 1) сохранение ряда архаических форм на различных языковых уровнях (лексическом, фонетическом, морфологическом, морфемном);
- 2) стремление поэта к обновлению языкового строя сакрального текста за счёт соответствия поэтики парафразов романтическим тенденциям начала XIX в.

Данные особенности обусловлены, прежде всего, самой целью создания парафразов – не только естественным для религиозного человека стремлением «к духов-

но-творческому диалогу с христианской праосновой сакрального Слова» [1, с. 3], но и попыткой «оживления» вечных тем, «демонстративной акцептацией религиозных ценностей» [6, с. 457], желанием показать вечное значение священных текстов, «выявить в них общечеловеческое начало, обнаружить актуальность для современности» [8, с. 170]. И, как показывают наблюдения, «актуализация» не представлялась поэту возможной без обновления лексического и стилистического строя текста. И. П. Бороздна наделял парафразы приметами произведений романтических жанров, имевших популярность в читательской среде первой трети XIX в.

Список литературы

1. Афанасьева Э. М. «Отче наш...» в русской лирике XIX века / Э. М. Афанасьева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2004. – № 3. – С. 50–55.
2. Бороздна И. П. Лучи и тени / И. П. Бороздна. – М. : Типография Готье и Монигетти, 1847. – 87 с.
3. Демидов Д. Г. Язык современной русской духовной литературы / Д. Г. Демидов // Христианство и русская литература : [сб. третий] ; [отв. ред. В. А. Котельников]. – СПб. : Наука, 1999. – С. 26–33.
4. Книга пророка Иезекииля / Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Изд-во Московской патриархии, 1988. – С. 830.
5. Лопухин А. П. Псалом 67 : [Электронный ресурс] / А. П. Лопухин // Толковая Библия, или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. – Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/111/lopuhin/lopuhin8/539.html>
6. Луцевич Л. Ф. О современной псалмодии / Л. Ф. Луцевич // Христианство и русская литература : [сб. пятый] ; [отв. ред. В. А. Котельников, О. Л. Фетисенко]. – СПб. : Наука, 2006. – С. 429–457.
7. М. М. Некролог / Северная Пчела: газ. полит. и лит. – Санкт-Петербург : Тип. Н. Греча, 1858. – № 277 (16 дек.). – С. 1162.
8. Мальчукова Т. Г. Парафразы псалмов в русской поэзии 1820-х гг. / Т. Г. Мальчукова // Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина [кн. 3]. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2002. – С. 153–178.
9. Псалтырь / Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Изд-во Московской патриархии, 1988. – С. 536–596.
10. Разумовский Г. Псалом 136 : [Электронный ресурс] / Г. Разумовский // Объяснение священной книги псалмов. URL: [http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/vethiy_zavet/razumovskiy_psalmi_19-all.shtml#1]
11. Шихляров Л. Пророк Иезекииль : [Электронный ресурс] / Л. Шихляров // Введение в Ветхий Завет : [конспект лекций]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/24sh/shihlarov/oldtestament/31.html>.

Шермет Г. С. Лінгво-стилістичні особливості парафрастичної поезії І. П. Бороздни / Г. С. Шермет // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2013. – Т. 26 (65), № 4, ч. 2. – С. 223–228.

Статтю присвячено виявленню лінгво-стилістичних особливостей в парафрастичних творах поету першої третини XIX в. Івана Петровича Бороздни. Матеріал статті ґрунтується на аналізі творчої спадщини І. П. Бороздни, зокрема, поетичної збірки «Лучи та тіні» (1847 р.), що стала бібліографічною рідкістю і раніше не вивчалася істориками літератури. За допомогою аналізу лексичних одиниць і стилістичних засобів, використаних поетом, виконується спроба виділити його основні ідейно-естетичні принципи у створенні парафразів текстів Священного писання.

Ключові слова: І. П. Бороздна, парафраз, псалмодична поезія, стилістика, церковна риторична традиція.

Sheremet A. Linguistic and stylistic features in the paraphrases of I. Borozdna / A. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2013. – Vol. 26 (65), No 4, part 2. – P. 223–228.

The article is devoted to distinguishing of linguistic and stylistic features in the periphrastic works of the poet of the first third of the XIX century – Ivan Borozdna. The material is based on the analysis of the creative heritage of I. Borozdna, in particular, on his poetry collection «The rays and shadows» (1847), which became a rarity and which was not previously studied by historians of literature. The relevance of the research is determined by the necessity of studying of creativity of «third» rank's authors and by the attention of modern science to the poetics of traditional (including religious) stories in literature and the increased demand for teolinguistics in modern humanitarian discourse. By means of the analysis of lexical items and stylistic devices used by I. Borozdna the attempt to distinguish his ideological and aesthetic principles in creating periphrastic texts of Scripture is made. The dominant of aesthetic transcriptions of I. Borozdna was proximity to the original text transcriptions in terms of subject-content basis. Thus on the linguistic level the transformation of the primary source can be observed. To the main features of the linguo-stylistic paraphrases of I. Borozdna can be attributed: first of all, saving a number of archaic forms at various linguistic levels (lexical, phonetic, morphological, morphemic), and, secondly, the desire of the poet to update linguistic structure of the sacred text by the compliance of the paraphrases' poetics to the romantic trends in early XIX century.

Key words: I. Borozdna, paraphrase, psalmody's poetry, style, church's rhetorical tradition.

Поступила в редакцию 18.11.2013 г.